

Василий Гурковский

ОДЕССА ТАКИМ НЕ МАМА

Послевоенная Одесса — до
«перестройки».

Обычные одесские семьи.
Типичная по тем временам жизнь.

Справедливый итог, как
следствие...

*(Из детских и
юношеских воспоминаний)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СУДЬБЫ

Глава первая

Обычно Роза, в каждый летний базарный день, брала у Милы один свежий лимон, за три рубля, сразу рассчитывалась и молча, уходила на свое рабочее место. В этот раз, она не выдержала и, добавив громкости своему и так далеко не тихому голосу, высказалась по поводу полученного лимона: «Мила, вы же знаете, как глубоко я вас уважаю, но вы посмотрите на этот лимон, который для меня не пожалели. У него такой сморщенный вид, как будто бы он съел другой лимон, еще кислее

и страшнее, чем он сам!»).

Сказала — и — спокойно пошла вдоль ряда прилавков на выход. Пока шла до входных дверей овоще — фруктового корпуса, слышала, как бесновалась её давнишняя коллега по рынку, — Мила и поливала её (Розу) вдогонку, разными цензурными для Нового рынка, словами.

Роза, не обращала на них внимания, она тоже умела говорить нечто подобное, тем людям, которые, по её мнению, это заслуживали, но, в данном случае, она была права и публичная победа осталась за ней. Она, с подчеркнутой гордостью, невозмутимо проследовала к своему рабочему месту, которое располагалось недалеко от главного входа на Новый рынок (со стороны находящегося рядом цирка).

Небольшой прилавок, обставленный ящиками с мелкой рыбой (тюлька, хамса, бычки и т. п.), был гордостью Розы. Рядом — главный вход на рынок и вход в рыбный корпус, где продавалась в основном крупная и дорогая рыба — свежая и после охлаждения в леднике. Место — бойкое. Покупателей всегда достаточно, да и товар у Розы был первосортный, от постоянных и удачливых поставщиков, прямо с берега моря — на рынок. Покупатели это знали, и Розе не было необходимости до хрипоты кричать, в порядке рекламы и приглашения, как это делали другие её

коллеги с похожим товаром; у неё всегда стояла пусть и небольшая, но очередь. Главное — это место, давало семье Розы кусок хлеба, иногда и с маслом, но всегда- с рыбой...

Вот и сейчас, в её отсутствие, человек десять уже стояли у прилавка. «Сторож», которого она оставила вместо себя, её младший сын, десятилетний Сеня, был на месте и, по его словам, все было нормально. Роза вручила ему купленный лимон, сказала пару обычных напутственных слов, поцеловала в щеку и отправила на «работу», а сама занялась своей работой, то есть — торговлей.

У Сени, была своя работа, постоянная на период каникул, да и в отдельные жаркие дни, после школьных занятий, тоже, — он торговал...водой. Здесь же, на Новом рынке.

Технология торговли водой, в Одессе, летом, всегда была особым подвидом удовлетворения спроса населения. Населения, в данном случае — специфического, не просто свободно передвигающегося по городу, а привязанного к своему оплаченному торговому месту, к своей товарной продукции, то есть- продавцов, съезжающихся на рынок с прилегающих к городу сел — от Южного Буга на востоке и до Днестра — на западе. Летом на рынке было довольно душно. Никаких защищающих от солнца навесов не было, территория по периметру, была обставлена

различными зданиями, плохо проветривалась, масса людей по обеим сторонам прилавков, непрерывный базарный гул, крики, перебранки и т. п., усугубляли действие палящего солнца и, понятное дело — всем хотелось пить. Некоторые продавцы привозили с собой какие-то запасы воды или других жидкостей, пригодных для питья, но основная их масса, нуждалась в постороннем обеспечении живительной влагой.

На территории рынка было несколько водопроводных колонок и кранов, никаких очередей возле них не было, и проблем набрать там воды — тоже не было. Но. До той колонки надо было дойти, то есть — оставить, не просто рабочее место, а оставить свой товар... Пусть даже на десять-пятнадцать минут, но это же — рынок! В Одессе! А пить-то хочется!

Тут и появлялся Сеня- водонос. Получив от мамы Розы лимон, он быстро бежал домой, а это всего — через квартал, обязательно мыл тот лимон, отрезал от него небольшую дольку, затем забирал с балкона двухлитровый графин с водой, налитой туда с вечера и специально выставленный на ночь, на свежий воздух с целью охлаждения. Если в графине за ночь образовывался какой-то мутный осадок, вода сливалась в трехлитровую банку, графин полоскался, а вода из банки — снова заливалась в графин. Туда же опускалась лимонная

долька. Через несколько минут — Сеня уже ходил по рядам рынка и весело приглашал желающих попить: «Холодная вода с лимоном! Холодная вода с лимоном!». Графин Сеня держал правой рукой за горлышко, в левой руке — двухсотграммовый стакан. Из графина — набиралось десять стаканов, по пятнадцать копеек, их распивали в среднем, за пятнадцать-двадцать минут.

Дальше — цикл повторялся, опять бегом домой, наполнение графина водопроводной водой и снова на рынок. Понятно, что те, кто пил воду из первого графина, часов в 9- 10 утра, получали остуженную за ночь воду, а все последующие рейды, Сеня угощал жаждущих, обычной водой комнатной температуры. По установленной мамой Розой технологии, на каждый графин с водой, отпускалась одна лимонная долька, но Сеня знал, что на весь его рабочий день — отпущен только один лимон, поэтому, когда в наиболее жаркие дни воды требовалось больше, он слегка нарушал технологию, используя те лимонные дольки не один раз...

Понятно, что он мог набирать такую же воду и из базарных колонок, но незаметно сделать это было нельзя, а публично — тем более, чтобы не потерять имидж, в глазах потенциальных покупателей воды. Ради того, чтобы объявлять во весь голос о том, что вода не только с лимоном, но еще и

холодная, стоило бегать с графином домой столько раз, сколько требовалось по ситуации.

Рабочая программа Сени, была четко разработана мамой еще до начала лета и школьных каникул. Кроме технологических правил, он твердо знал, что минимальный его «торговый» оборот в день, установлен в 13 рублей, из которых — 3 рубля уходит на покупку лимона, а 10 рублей — идут в семейную (мамину)кассу. Но он знал еще и свой личный «гонорар»: — за каждые 10 рублей, заработанных на воде, он получал 50 копеек. Когда еще он только начинал продавать воду, то было заикнулся о том, что, мол, маловато те 50 копеек, на что мама Роза, резко отреагировала: «Сеня, ты даже не покраснел от такой просьбы! Жить на всем готовом и еще получать премиальные ежедневно с каждой десятки!. Мне — таки за тебя стыдно, хотя ты и мой сын! Старайся и имей больше!». Больше он по этому вопросу к маме не обращался и постепенно понял, что на этой работе — его «ноги кормят». Есть потребитель, есть вода, графин и стакан — осталось только более оперативно доставлять воду, поить людей и получать с них деньги (в том числе для себя).

Особым своим усердием, он не только стал получать больше «премиальных», но и удостоился от мамы персональной еженедельной премии в один рубль, на билет в кино. Ходил он в летний

кинотеатр «Комсомолец», что на Дерибасовской, в десяти минутах ходьбы от дома. Там, через дорогу, был еще один кинотеатр- «Маяковского», но Сеня в нем ни разу не был, потому что в летнем кинотеатре, контролером работала женщина из их двора и пропускала его бесплатно. Мама об этом не знала и выделяемые ему на кино деньги, Сеня аккуратно получал и припрятывал..., добавляя их к деньгам, заработанным на воде. Сеня, почему-то очень любил деньги, даже в таком возрасте.

После пяти часов дня, даже летом, рынок постепенно затухал. Покупателей почти не было, продавцы собирали или укрывали свои товары, начинали работать уборщики, воду уже никто не покупал. Сеня шел к маме, помогал ей убираться, складывать ящики.

Помыться на рынке было негде, поэтому Роза только мыла руки, переодевалась, сдавала выручку, уточняла отдельные моменты по работе на завтрашний день, потом забирала домой для стирки и мойки свои рабочие фартуки и клеенки, прикупала иногда, здесь же, на рынке, что-нибудь из того, что было нужно для дома, и они, вместе с Сеней, отправлялись домой.

Сеня нес сверток со спецодеждой; в руках мамы, всегда была черная дермантиновая сумка. В сумке, кроме всего прочего, ежедневно и обязательно, находилось с десятков отборных

черных бычков или других видов рыбы, пригодной для засолки и вяления. Дома Роза их мыла, чистила от внутренностей, солила, нанизывала на одножильный телефонный кабель и развешивала на балконе.

Так как это действие совершалось шесть дней в неделю, то, вяленые бычки, занимали все небольшое балконное пространство, благо их балкон на втором этаже, находился изолированно от других таких же старинных балконов их дома; никому и в голову не приходило лакомиться теми вялеными бычками. Ни Роза, ни её сын, сами не употребляли их в пищу. Роза смотрела на них с отвращением и не переносила даже специфического запаха вяленой рыбы, но это был довольно ходовой товар для любителей, в первую очередь — пива.

Один раз в неделю, Роза отвозила полную сумку вяленой рыбы, на свою малую «родину», в район Слободки. Там, в одном из главных местных буфетов, держала пивное место её подруга — Лиза. С Лизой, они были знакомы с детских лет. Обе родились в одесской Слободке, ходили в одну школу, хотя и в разные классы; до Войны долгое время работали посменно в одном пивном буфете в районе порта и жили в одной квартире. За эти полтора десятка лет, так сложилось, что их судьбы не только пересеклись и переплелись, они просто

слились в одну сплошную линию. Роза и Лиза были друг для друга больше, чем родные сестры, если бывает по жизни вообще такая оценка.

У них были разные стартовые возможности. У Лизы — отец, был хотя и хороший, но обычный закройщик, мать — модистка. Они имели свой небольшой дом на Слободке, жили тихо, мирно, никого не трогали, да и их тоже никто не трогал, ни власти, ни бандиты, по той причине, что с них нечего было взять. Жили скромно, но не бедствовали. Лиза была единственной дочерью и ей была уготована судьба наследственной модистки. Но — не сложилось. Из-за её несносного характера. Когда отец с матерью начали приучать её к своей работе, как к одному из направлений, гарантированно обеспечивающему приличный, по их меркам, уровень жизни, она еще в подростковом возрасте, заявила, что никогда не станет работать швеей и не будет колоть иголками пальцы, как её мама. Никакие меры воспитательного, религиозного и даже физического воздействия со стороны родителей, ни к чему не привели.

Родителям пришлось смириться, все-таки одна дочь в семье, больше детей нет, да и вряд ли уже будут, поэтому её оставили в покое — пусть закончит школу, а там будет видно. Но Судьбе их семьи было виднее. После окончания седьмого класса, Лиза поступила в торговое училище, её

тянуло туда, в ту среду, где каждый день, можно было держать в руках деньги, неважно чьи, главное — держать. Когда деньги проходят через чьи-то руки, то обязательно каким-то образом, прилипают к тем рукам. Лиза это чувствовала интуитивно и надеялась выйти в люди по торговой линии. Возможно, все так бы и случилось. Лиза уже выходила иногда в город, да и в училище видела, как одеваются девушки из обеспеченных семей, слышала их разговоры между собой о семейной жизни, об ухажерах, походах в театры, кино, рестораны. Некоторых из коллег-студенток, привозили на занятия на красивых двуколках и даже на легковых автомобилях. Они часто тараторили о своем гарантированно обеспеченном будущем, строили какие-то планы, хвалились друг перед другом нарядами, различными украшениями и...знакомыми. Лиза, стиснув зубы — училась, никаких гарантий продвижения к той жизни, о которой она мечтала, у неё не было. То продвижение, ей надо было зарабатывать или выстраивать самой и учеба в данном случае, была первым и очень серьезным шагом, первой важной ступенькой на пути в её будущее. Так она думала.

Поставив перед собой определенную цель, она, в отличие от других сокурсниц — студенток, очень серьезно относилась к занятиям, особенно к вопросам товароведения, учета, отчетности,